

Анна Есина

Мои две
половинки 2

Анна Есина

Мои две половинки 2

<https://litres.ru/74205403>

Аннотация

Два года назад Соня, Рома и Илья решились на немислимое — построить отношения втроём. Теперь перед ними встают те самые неразрешимые вопросы, о которых предупреждал Илья.

Как сохранить любовь, когда общество диктует свои правила? Как разделить быт, мечты и будущее на троих — без обид, ревности и разбитых сердец?

Их ждут:

болезненные разговоры;

стычки с родственниками, не готовыми принять нетрадиционный союз;

попытки найти баланс между личными границами и общей жизнью;

испытания, которые либо разрушат их связь, либо сделают её крепче.

Это история о том, как трое смелых людей бросают вызов условностям — и собственным страхам. О любви, которая не вписывается в шаблоны. О выборе, где нет правильного ответа.

Смогут ли они отстоять своё право на счастье — или давление обстоятельств окажется сильнее?

Читайте — и узнайте, чем закончится этот смелый эксперимент.

Юмор останется, но тоже в сокращенном виде. Эта история обещает быть чуточку посерьезнее.

Первая часть доступна по ссылке:

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глава 1

Ресторан «Европа» представлял собой то ещё вместилище пафоса. Всюду позолота, мрамор, тканевые обои, приглушённые цвета и унылый дух музея эпохи императрицы Екатерины Великой.

У входа нас встретил метрдотель в щегольской ливрее: напмаженный парик, отороченный бархатом камзол, узкие бриджи и тупоносые туфли на каблуке – по мне так дичайшая безвкусица. Рома посчитал так же и хихикнул в кулак, покуда нас провожали до гардероба:

– Надо Илюхе на новый год такие гольфы купить.

– Тебе они больше пойдут, – парировала и повернулась спиной к своему кавалеру, чтобы помог снять плащ.

– Сонь, ты как всегда, – он провёл пальцами по обнажённым плечам, потянул за кончик туго завитого русого локона и с восхищением оглядел дорогое вечернее платье в пол цвета молодой хвои. – Слепишь и воспламеняешь.

Рома поцеловал меня в затылок, подставил локоть и сопровождал к гостям. Банкетный зал отпугивал той же буржуазной атмосферой. Над всем этим праздником следовало пустить бегущую строку: «Царскосельское поселение. Бал по случаю сотых именин графа Ермолаева. Отрадное зрелище».

Все вокруг казались такими напыщенными, будто сроду в носу не ковырялись.

– Я начинаю понимать природу твоих вечных хохм, – шепнула на ухо Ромке, пока продирались через колоритных персонажей.

Мужчины сплошь в смокингах или фраках, дамы – в вычурных платьях и обвешены украшениями до состояния сверкающей новогодней ёлки. Музыка претенциозная. Разговоры сплошь о великом. Буэ-э-э.

– Без юмора, малыш, я б в младенчестве повесился, – подтвердил мои опасения Ромка, крепко сжал ладонь на своём локте и с наигранным восторгом воскликнул: – Маменька! Ну что за дивный вечер!

Стройная дама в меховой накидке поверх белого платья-футляра повернула голову и заулыбалась при виде сына.

А Ромка очень на неё похож. Те же небесно-голубые глаза, прямой нос с широкими крыльями и испепеляющий оскал от лучших ортодентов. Только в случае Ромки классические черты имели яркий отпечаток обаяния, тогда как матушка походила на хищную птицу. Такой палец в рот не клади, оттяпает по самые гланды.

– Мой дорогой, – Лидия Ивановна распростёрла руки и жеманно облобызала сына, – счастлива тебя видеть!

Я отстранилась, чтобы не мешать им исполнять светские ритуалы. Вообразить не могу ситуацию, в которой моя мама воскликнула бы: «Счастлива тебя видеть!». Как в дешёвой мелодраме.

– С юбилеем тебя! – вымученно произнёс Рома и дёрнул

меня за руку. – Позволь представить тебе мою невесту – Софи.

Я сейчас чихну и не забуду сморкнуться! Ну что за обычаи у этой семьи?!

– Здравствуйте! Благодарю за приглашение! Вы чудесно выглядите! – тараторила незнамо что, а сама вспоминала вирши и сонеты из поэзии девятнадцатого века.

На ум шло: «Мороз и солнце, день чудесный!»

Маман смерила меня взглядом. Зацепилась за два обручальных кольца на пальце. Глянула на простенькие серьги в ушах и пошлую подвеску с буквой «Р» на цепочке.

Я улыбалась, нервно и вымучено.

– Софи, надо же! – она и меня сцапала в свои удушливые объятия, клюнула сухими губами в щёку. – Рада с тобой, наконец, познакомиться. Два года Рома тебя прятал, – она погрозила сыну пальцем, мол, негодник, обняла меня за плечи и развернула к толпе. – Дамы и господа! Разрешите представить вам невесту моего сына, мою будущую дочь – Софи Гурьеву! Прошу любить и жаловать!

О мой нах! Кто пишет этим людям сценарии? Халтурщики с канала «Россия 1»?

Раздался сдержанный гвалт аплодисментов. К горстке женщин, что облепили именинницу, причалил мужчина. Я вздрогнула от его взгляда и во второй раз за вечер испытала узнавание. Если Рома походил на мать, то Илья был точной копией отца. Высокий, поджарый брюнет с сединой у висков

и волчьими глазами – у меня даже поджилки затряслись.

– Егорушка, смотри, кого Рома к нам привёл! – Лидия Ивановна по-змеиному обвилась вокруг согнутой руки мужа. – Это Софи, его невеста!

Мрачный тип кивнул, задумчиво посмотрел на сына, неумело улыбнулся мне.

– Приятно, – коротко приветствовал.

И чего мне дома не сиделось? Увиливала от этой встречи два года и ещё пару лет продержалась бы. Странная семейка.

За столы все расселись согласно плану, вывешенному в зоне фуршета. Мы с Ромой оказались в компании двух престарелых бабуль (жаль, Илюхи нет, у него ж тяга к пожилым дамам) и пустого стула.

– А твоя семья вообще никак с Ильёй не общается? – спросила тихо у Ромки.

– Общается, только он сам не горит желанием здесь отсвечивать. Всё это, – он обвёл вилкой зал, – чересчур даже для меня.

– Никогда не спрашивала, чем занимаются твои родители.

– Отец заведует кафедрой горного дела в Политехе, хотя если ты сама задашь ему этот вопрос, услышишь в ответ: «Я заправляю кафедрой разработки месторождений полезных ископаемых и подземных сооружений». И в этом уточнении весь батя: чванливость пополам с самомнением размером с Эйфелеву башню. Мама попроще, это у неё на людях заскоки типа все вокруг челядь, а дома она вполне адекватно себя

ведёт.

– Она не работает?

– Почему? Владеет сетью ювелирных мастерских у нас в области.

Понятно, откуда взялась калькуляция моих украшений, – профессиональный интерес.

– Нам долго отбывать тут повинность?

– Часик помелькаем, пару раз станцуем и домой, – клятвенно пообещал Ромка и поднёс к моим губам вилку с майонезным салатом. – Попробуй, очень вкусно.

– Ромочка, а не передашь ли ту менажницу с рыбой? – обратилась к нему одна из бабуль. – Уж больно охота окунька отведать!

Рома исполнил просьбу пожилой родственницы.

– Это кто? – шепнула на ушко.

– Троюродная бабка папиной сестры по материнской линии, – выдохнул мне в шею Рома и прикусил мочку. – Хрен знает, пухляш. Я половину гостей вижу второй раз в жизни.

– А первый когда был?

– В кошмаре, Сонь, в кошмаре.

Мы захихикали. Бабули строго на нас посмотрели. Тут к незанятому стулу подошла опоздавшая гостья, и сердце трепыхнулось. Итижкин корень!

Статная темноволосая богиня в элегантном платье цвета спелой сливы полыхнула по нам синим взглядом и грациозно опустилась на стул.

– Привет, Ром, – проворковала голосом сладкозвучной нимфы. – И тебе привет, шлюшка.

Я проглотила оскорбление вместе с языком. Да и что ответить бывшей жене Ильи? «Привет! Рада, что снова так скоро свиделись?»

Мы и впрямь виделись совсем недавно. Илья позвал меня на совместную прогулку с сыном. Я канючила, что буду лишней, что не следует толкаться третьей и так далее, но он почему-то захотел разделить со мной этот день. А вы ж его знаете: глазками хмуро зыркнул, бровки чёрные воедино свёл, губы поджал – и всё, Сонечка поплыла, готова к подвигам, согласна на авантюры.

Мы встретились с Кириллом на набережной. Девятилетний мальчишка, худенький и темноволосый, просто влетел в нас, когда мы с Илюшей чересчур увлеклись поцелуем. Покричал:

– Папка! – вскинул руки и отвоевал у меня своего родителя.

Я смущённо прижала щёку к мужскому плечу, надумала отодвинуться и тут увидела Её. Чернявую разрушительницу моего спокойствия. Обольстительную красотку в струящемся белом брючном костюме. Лёгкую, как облачко, и отвратительную, как... Да! Как бывшая жена твоего любимого мужчины. Точнее, одного из любимых мужчин. Помните ведь, что у меня их двое.

– Ты теперь не стесняешься ходить на свидания с сыном

в компании потаскушек? – Алина подошла к нам, протянула Илье фиолетовый пакет с логотипом «WB» и подбоchenилась, глядя на меня с высоты своей божественной красоты.

Вот почему он не женился на носатой уродине со сросшимися бровями? Мне было бы куда комфортнее сверлить взглядом сие убожество.

– Ты себя имела в виду? – ответила с достоинством и ревниво огладила ладошкой плечо своего мужчины, смахивая невидимую пылинку. – Так чего тут стесняться? Ты уходишь, а мы прогуляемся.

Илья взял у сучки пакет, стрельнул по мне глазами, веля заткнуться, и так же яростно и беззвучно осадил бывшую.

– Привезу его в восемь, – отчеканил и с куда большей теплотой потрепал мальчика по чёрным лохмам. – Ну что, Кир, куда подвигаем?

– На остров юности! А потом в ботанический, там выставка бабочек! – загалдел мальчишка, схватил отца за руку и зашагал. – Мы с классом туда ходили. Я внимательно слушал курсовода и могу тебе всё пересказать, как на замене.

Ребятёнок волновался и проглатывал первые слоги некоторых слов, а может просто не знал, что «курсовода» называют экскурсоводом и пересказы устраиваются на «экзамене».

Я слушала вполуха. Алина пульнула в меня взглядом «сдохни, тварь», я ответила взаимной вежливостью «**харкнула, мымра, можешь утираться**». Стервозная брюнетка дёрнула плечом, взмахнула густыми локонами и удалилась.

Я выдохнула с тихим стоном.

И сейчас, сидя по правую руку от Ромки и наблюдая на-против смазливую мордашку Алины Зарубиной, поперхнулась желчью. Вот буквально. Во рту поселилась горечь, желваки сковало намертво, горло сдавила паника.

Рома тоже опешил и впервые на моей памяти утратил дар речи.

– Давно вы её напару с братцем жарите? – не понижая голоса, спросила Алина и обыденно ковырнула вилкой салат. Вроде как приятного аппетита пожелала.

Одна из бабуль, что сидела ближе к стервозе, ковырнула пальцем в ухе и громко переспросила:

– Чего говоришь, детонька? Мясо не дожарено?!

– На хер иди, Алин, – Рома стиснул меж пальцев нож. – И пасть свою сучью в её сторону не разевай.

– А то что? – Алина взмахнула кукольными ресницами. – В драку со мной полезешь? Не стыдно, Ромчик?

– Я полезу, – пообещала с решимостью камикадзе. – Стащу вон с того стола рыбину, – я ткнула ногтем в огромного осётра, расписанного майонезом, зеленью и оливками на старинный русский манер, – и наподдам тебе леща.

– Трахарей своих запугивать будешь, милочка, – фыркнула Алина.

Бабулёк с цветастым платочком на шее заметила мой жест и вознегодовала:

– Вы правы, мои дорогие! Нам такого угощения не по-

ставили! Ромушка, наведи справедливость! Я, может, всю жизнь мечтала вкусить настоящего осётра.

Алина разинула пасть, чтобы изрыгнуть очередную пакость, глянула мне за спину и тут же присмирела. Я обернулась и увидела хозяйку вечера, которая плыла к нам с грацией балерины.

– Рома, дитяtko, как вас неудачно посадили! – она встала позади нас и жестом матушки-гусыни объяла оба стула. Улыбнулась. Приметила Алину и расцвела радугой. – Моя дорогая! И ты здесь! Как я рада!

Лидия Ивановна выпорхнула вперёд, паскудная бывшая устремилась навстречу, и они обнялись. Я поискала глазами ведёрко, чтоб было, куда сблевануть.

– А где Илюша? – моя будущая свекровь растеряно посмотрела на родного сына. – Неужто его посадили за другой стол? Я же давала чёткие указания организаторам...

– Мам, он на работе, прийти не может, – с нажимом ответил Рома.

– Наш Илюша устроился на работу? – всколыхнулась бабуся, которая обожала рыбу. – Ромочка, почему я ничего не знаю? И как так? Совмещать работу с учёбой не по силам в столь юном возрасте.

– Устроился, бабуль, – крикнул Ромыч и вполголоса добавил: – Уж лет пятнадцать, как устроился.

– Какая досада! – воскликнула матушка. – Алиночка, ты прости меня за подорванные надежды. Я так верила, что он

всё же соблаговолит посетить юбилей матери...

– Этот цирк начинает меня выбешивать, – шепнул мне Рома. – Пойдём потанцуем что ли.

А я мечтала смыться, но удалиться от воркующих дам на танцпол – тоже сойдёт. Мы сошлись в объятиях на самом краю площадки. Полностью игнорируя музыку, Рома прижал меня к себе и затоптался на месте.

– Ты слышала, как она себя обозвала? Матерью! Да она сроду не позволяла Илюхе называть себя матерью. Всегда только по имени-отчеству, – в сердцах поделился он. – И фифу эту припадочную приволокла. Помирить их что ли хочет?

Ну знаете ли! Отныне эта женщина в списке злейших врагов!

– Да не напрягайся ты, – Рома почувствовал моё одеревенение и чмокнул в висок. – Не покажется он. Дались ему эти вечера...

Он стих, не договорив окончание фразы. Я заподозрила неладное и повернулась. В зал влетел разгорячённый Илья.

Глава 2

С одного взгляда было понятно, что приходить на банкет Илья не собирался. Одет простецки: распахнутая клетчатая рубашка, белая майка, потёртые голубые джинсы и кроссовки. Заметался от одного угла к другому, потом заметил нас.

– Илюш, ты чего такой... – вопрос договорить не успела.

Илья обдал меня тяжёлым взглядом и буркнул Ромке:

– Живо увёз ее отсюда.

– А по команде «фас» никого не покусать? – взъелся Ромка. – Ты чё начал с порога?

– Нихрена! – рявкнул Илья. – Я сказал, ты делаешь. Ебальники после друг другу начистим.

Меня распирало от желания столкнуть обоих лбами и напомнить, кто мы и в каких отношениях состоим. В принципе, вот вам и причина, почему Илья примчался в ресторан верхом на адской гончей – ему откуда-то стало известно, что бывшая жена среди гостей, а так как она уже видела нас с ним, застукать нас с Ромкой означало тотальное разоблачение. Что, собственно, и произошло, недаром меня приветствовали словом «шлюшка».

Моя догадка оказалась верна. Уже через секунду Илья стремительно рванул к мачехе, уцепил бывшую за локоть и дёрнул на себя.

– Ром, вмешайся, пожалуйста, – я с ужасом наблюдала за

происходящим.

Он тяжело вздохнул:

– Угораздило ж занять родственничка-психопата, – чмокнул мою макушку и пошёл разбираться с истерикой брата.

Я схватила с подноса проходившего мимо официанта сразу два фужера и, не чувствуя вкуса, закинула в себя. Подавила желание рыгнуть пузырьками и прислонилась к ближайшей стене.

Илья шипел на Алину, та с прищуром смотрела ему в глаза. Поза у неё воинственная: спина идеально прямая, плечи разведены, руки чуть подобраны к груди. Ромыч подлетел к ним сбоку, приобнял обоих, улыбнулся фирменным образом «ну-кась все восхитились моей красотой» и негромко заговорил. Маман тоже не осталась в сторонке.

Я не удержалась, приблизилась.

–... ведь праздник же! – услышала окончание возгласа Лидии Ивановны. – Что вы как неродные?

– Ма, давай мы сами разрулим! – Рома попытался отстранить женщину.

– Лида, ты сама меня спровоцировала, когда пригласила её, – Илья цедил каждое слово и пыхтел на Алину.

– Если уж кому и жаловаться, то мне! – разъярилась бывшая. – Лидочка Иванова, вы себе не представляете, что отчебучили эти...

– Заткнись, – негромко сказал Илья, но таким тоном, что

даже мне захотелось залезть под стол и переждать там бедствие.

– Чем же я вас так разгневала? – актёрствовала маман. – Илюша, у меня и в мыслях не было... Что же мы так и будем враждовать?! Дети мои, – она попыталась обнять моих мужиков, – пора нам забыть невзгоды и смело шагнуть на встречу светлому будущему.

И это меня в прошлом укоряли в том, что где-то набралась патетики. Да вашу ж в бога душу, мне до такого уровня пафоса никогда не вознестись!

– Ромочка, ты скоро станешь отцом!

Да? У меня аж глаз задёргался.

– Илья, ты уже воспитываешь чудесного малыша.

Говорила как о годовалом младенце в ажурном чепце. Кирилл – третьеклассник, если что.

– Я готова стать для ваших отпрысков бабушкой.

В самую точку, бабуля! Илья сейчас расторгается.

– Какого ты мелешь, ма? – Рома заголосил.

– Разве не поэтому ты собрался жениться на этой... чудесной девушке? – маман несказанно удивилась.

Меня позабавила пауза между «этой» и «чудесной». Что там подразумевалось в середине? Простушке? Толстушке? Дурнушке?

Повторюсь, кой чёрт меня лягнул под зад сюда придти?!

А-а-а-а, добавьте сюда намёк на то, что на мне можно жениться только по залёту. Супер!

Илья уловил тот же посыл, мельком посмотрел на меня, скривился при виде мачехи и с прежним намерением разобратся потащил Алину на выход.

В спину ему полетел гневный окрик матери.

– Знаешь, мам, эта... чудесная девушка, как ты выразилась, – Рома с блеском скопировал интонации родительницы, – единственная, кого я люблю всем сердцем. И если тебя в ней что-то не устраивает: рост, вес, вероисповедание, уровень дохода или цвет ногтей; то впредь мы будем держаться подальше. Ещё раз с днём рождения!

Он подошёл ко мне, жарко поцеловал в губы, словно доказывая наличие пламенных чувств, и тихо предложил:

– Поехали домой, пухляш. Я насытился семейностью.

Мы забрали в гардеробе мой плащ и вышли на улицу. Я с наслаждением подставила лицо под пыльную россыпь дождя. Впрочем, успокоиться не удалось. Повышенные голоса, мужской и женский, неслись от парковки.

– Тебя каким боком заботит моя жизнь? – запальчиво орал Илья.

– Хорошенький пример ты подаёшь сыну! Таскаешься с этой блядью с ним на встречи! Скажи, а когда он ночует у тебя, вы тоже организуете тройнички? – верещала в ответ Алина.

– Хуйню не пори! Кир тогда вообще увидел её впервые, – Илья расходился всё больше.

– Это я порю?! Да вы на себя посмотрите, парочка обдол-

банных извращенцев! Что, просто трахать их стало скучно, решили в шведскую семейку поиграть?!

– Алина, сядь в машину, – Илья распахнул дверь своего «Лексуса» и почти силком затолкал бывшую на заднее сиденье.

Хлопнул с такой агрессией, что даже странно, как в салоне не повывлетали стёкла, и в сердцах ударил раскрытыми ладонями по крыше автомобиля.

Мы подошли, преградили ему путь к водительскому сиденью.

Алина опустила окно и высунула голову:

– Вы не стесняйтесь, можете прям здесь потрахаться! Я к таким картинам привычная.

У меня руки затряслись от желания вмазать чернявой стерве по лицу.

– Лин, захлопнись, – миролюбиво посоветовал Рома.

– Илюш, – я попыталась что-то сделать: обнять или хотя бы ободрить взглядом, но он обошёл меня со словами:

– Не сейчас, Сонь. Дай остыть.

– И куда ты в таком состоянии? – Ромыч протянул руку, чтобы придержать брата, тот стремительно развернулся, перехватил его за запястье и чуть было не приложил кулаком.

Я поздно увидела, что Илья остановился в последний момент и лишь погрозил расправой. Заверещала, кинулась между ними, повисла у Ильи на плече.

– Успокойся! Слышишь ты меня?! Уймись! Не смей сры-

вать злобу на Ромке!

Роме, видимо, показалось, что сейчас отскочит по зубам мне, потому что он тоже ринулся меня защищать с воплем:
– Только тронь её, гнида!

Все замерли. Я растолкала обоих на расстояние собственных вытянутых рук и прокричала:

– А ну уgomонились оба! Ты, – пихнула Илью в грудь, – топай в «Крузак», сама отвезу домой. Ром, а ты депортируй эту женщину, пожалуйста, домой. Или куда там ей нужно. И больше чтоб не смели кулаками размахивать.

На удивление, оба послушались. Рома прыгнул за руль «Лексуса», мы с Ильёй устало шагали к внедорожнику.

Ехали в гробовом молчании. Илья таращился в окно и стискивал кулаки с пугающей методичностью, будто отсчитывал секунды. Я старалась следить за дорогой, но то и дело косилась на своего буйного пассажира.

– Тебе кто-то позвонил? – решила завязать хотя бы подобие разговора, потому как знала, если оставить его вариться в котле собственных мыслей, к утру бомбанет как просроченный фейерверк.

– Да, Ромкина мать. Сказала, что расстроена моим отсутствием, очень ждала и даже специально пригласила в ресторан бывшую. Сонь, выполнишь просьбу?

Я с сомнением кивнула. О сути просьбы догадаться несложно. За два года отношений я успела изучить его вдоль и поперёк. Всплеск агрессии всегда приводил к возбужде-

нию, притом того рода, которое я старалась избегать под любым предлогом.

– Сверни на обочину и выйди из машины, – Илья подтвердил мои опасения.

Нет, я вполне могла бы продолжить путь, отказать ему в близости на неделю, переждать эту бурю в тепле и спокойствии Ромкиных объятий. У меня всегда был выбор: поддаться или послать. Ко второму методу я прибегала крайне редко.

Съехала на тихую улочку, припарковала «Ленд Крузер» у закрытых дверей продуктового магазина. Отстегнула ремень безопасности, выключила фары, заглушила двигатель, затащила ручник и вышла под моросящий дождь.

Мельчайшие капли повисли на ресницах на манер слёз. Ох и наплачусь сейчас!

Илья тоже вышел, позвал меня к себе. Чувствуя вялый протест, обошла джип вокруг капота, встала рядом и вскинула голову.

Он без предупреждения стиснул моё лицо пятернёй, расплющил щёки, вынуждая сложить губы трубочкой, и привлёк к себе. Лизнул подбородок, впечатал спиной в пассажирскую дверь и свободной рукой полез под платье.

Я попыталась обнять, чтобы смягчить его гнев. Рыкнул: – Стой смирно.

Прикрыла веки и сосредоточилась на ощущениях. Он погладил внутреннюю сторону бёдер, постучал ладонью, веля

расставить ноги шире. Сделала и вздрогнула, когда скомкал на мне трусики в кулак и сильно вдавил большим пальцем клитор. Охнула.

– Молчи.

На хрен иди, командир!

Вслух не произнесла. Не потому, что по-настоящему боялась, нет. Мне действительно нравились эти игры. Я любила Илью, всецело, и принимала со всей ответственностью не только то, каким он умел быть хорошим, но и то, каким становился во времена дурных моментов. А внутренние препирательства помогали не сойти с ума на почве противоречий.

Вместо поцелуя он засунул мне в рот два сложенных пальца и ритмично принялся водить ими по языку.

– Сомкни губы. Соси.

А сам царапал меня там внизу кружевом белья и распал. Мимо проехала машина. Я забеспокоилась, не видно ли чего со стороны. Илья сильнее вжал мой затылок в стекло и проник пальцами. Сразу тремя. Всклипнула, открыла глаза и уставилась на него просительно.

– Трахнуть, да? – спросил издевательски.

Закивала.

– А я думал отпустить, но раз ты просишь...

Он убрал руку от лица, обхватил за поясницу, прижал к себе, распахнул дверь и лицом внутрь толкнул на сиденье. Успела только выставить руки и прогнуться. Дальше подол платья накрыл с головой, а к попке прижался разгорячённый

член. Пикнуть не успела, как он очутился внутри влажной глубины. Двигался резко, на всю длину. Держал за кружево трусиков на поясе и раскачивался всё несдержаннее. Я упала лицом в сиденье и закусила кожаную обивку, чтобы не стелать аки мартовская кошка.

Наверное, я такая же ненормальная как он, иначе почему удовольствие накрыло так быстро? Опомниться не успела, как уже подрагивала в сладких судорогах и сдавливала его внутри, вынуждая присоединиться. Он последовал, но не по моему приглашению, а потому что в эту же улочку свернул ещё один автомобиль, осветил нас фарами, сбавил скорость на минимум и, крадучись, проехал мимо, посигналив в конце. Я поняла, что из-за открытой двери в салоне загорелся свет, и снаружи прекрасно видно, чем мы так увлечены.

Илья с силой прижался ко мне бёдрами и затих. Я изловчилась просунуть под себя руку, коснулась промежности и погладила его плоть у основания.

– Чёрт, тигра, прости. Опять я похерил контроль, – он осторожно вышел, поправил на мне трусики, вернул платье в исходное состояние и с опаской развернул к себе лицом. – Я не перегнул?

– Как всегда, самую малость, – улыбнулась и требовательно прижалась губами ко рту моего неандертальца.

Если бы перегнул, целёхоньким не остался. В прошлом он уже ставил такой эксперимент: решил отшлепать меня ремнем, по-настоящему, якобы в полсилы. Первый же хлёсткий

удар показал, что меня провели вокруг пальца. На следующем замахе доверчивый котёнок показал тигриные коготки: укус у него на плече заживал дольше двух недель.

Как оказалось, тормознуть его можно только ответной агрессией. И я накрепко заучила тот урок.

Глава 3

– Как тебя угораздило жениться на такой твари? – укорил Рома.

– Не поверишь, когда-то она такой не была, – спокойно ответил Илья.

Я вошла в спальню, увидела их обоих на кровати: Ромка в неглиже валялся на животе и тискал подушку на краю, что ближе к двери; Илья с голым торсом и в широких домашних штанах сидел, опершись на изголовье на своей трети у окна, и буравил тяжёлым взглядом стену. Надо бы картину туда повесить, а то скоро обои начнут выцветать от таких каждодневных фокусов.

Я залезла на свою территорию по центру. Илья сполз ниже и приподнял руку, приглашая на свою грудь. Легла лицом к Ромке и получила ярчайшую ухмылку.

– Хочешь сказать, это ты её такой сделал? – спросила без сочувствия.

Возможно, некой части меня была понятна израненная сущность этой женщины. Не понаслышке знаю, каким мало-приятным типом может быть Илья и что сильнее всего его заводит психологическое насилие. Он любит ломать не тело, куда приятнее ему перекраивать само нутро. Разница между мной и Алиной в том, что у меня есть Ромка. Светлый, чистый, золотой человечек, который может занежить так, что

всё дурное забудется на триста лет вперёд.

– Отчасти да, – после недолгих раздумий ответил Илья.

Не слишком исчерпывающе, но ковырять эту тему мне не хотелось. Ромыч подполз ближе и прижался губами к запястью.

Илья погасил свет и вместе со мной забрался под одеяло. Завозился, снимая штаны, потом прижался к моей попе.

– Она всем растреплет, да? – решила озвучить прописную истину.

– Удивлюсь, если уже не растрепала, – хмыкнул Рома и поддел мою руку макушкой, требуя ласки.

Запустила пальцы в блондинистую шевелюру.

– Я ВК даже не открывал, – с ощутимым мурчанием продолжил Рома, – там небось уже со всех вентиляторов дерьмо летит.

– Как она так быстро сообразила, что мы втроём спим? – размышляла вслух.

– Увидела тебя со мной, – предположил Илья, – до этого могла неоднократно видеть на странице у Ромыча. Вы ж палитесь, как дети.

– О, ну давай в Штирлица играть, – Рома фыркнул. – В подъезд будем по графику выходить и дома собираться только по чётным субботам в месяце.

– Ром, хорош. Мне хватило ваших скандалов у ресторана. Кстати, – приподнялась на локтях и посмотрела на обоих, – чтобы такое было в последний раз. С кулаками друг на друга

бросаться – совсем того?

– Можно только с пиписьками на тебя? – Рома хихикнул и вернул меня обратно, чмокнул в нос. – Мы поняли, поняли, не злись.

– Я не злюсь, я негодую.

– Негодуй сюда, – Илья подставил губы, я куснула, потом облизнула и заулыбалась помимо воли.

Два охламона. На них и гневаться почти невозможно.

– Знаете, что больше всего меня бесит в этой Алине? – разоткровенничалась на свою голову.

– Я знаю, пускай блонди ответит.

– Э-э-эм, что она спала с нами обоими?

– Именно, – я с рычанием провела ногтями по затылку Ромки. – Придушила бы.

– Этак тебе придётся половину города прикончить, – присвистнул Илья в шутку.

Или нет?

Вывернулась и сердито глянула на тёмненького.

– Вы совсем офонарели? – включила строгую училку.

– Ой, не знаю, Сонь, о чём этот плешивый брешет, – светленький соорил ангельскую мосю. – Я до тебя вообще девственником был.

– Основательно потасканным девственником я бы сказал, – внёс коррективы Илья.

– Ну да, – тот покладисто согласился. – Девочек боялся, стеснение накрывало наедине с женщиной. А тебя увидал и

всё – раскрепостился в одночасье.

Илья зевнул, прижал меня к себе теснее и попросил:

– Давайте спать. Утром проверим, кто девственник, кто язвенник и сколько дерьмеца нападало. – Муркнул мне на ушко: – Люблю тебя, Сонь, – и засопел.

Рома обнял под грудью и тихо сказал:

– Я тебя больше, пухляш. Завтра у нас встреча с оформителем зала и свадебным фотографом. Я поставил будильник на девять.

Вдохнула. Мой моральный облик летит в тартарары, а мы будем шарики с фонариками обсуждать.

– В девять, так в девять, – сладко потянулась и шепнула обоим по очереди: – Люблю тебя.

Свадебные хлопоты меня ничуть не будоражили. Во многом потому что предстоял непростой разговор с семьёй. Как объяснить родителям, тётушке, младшему брату и бабушке почему я два года подряд таскала на семейные праздники Илью, представляла его именем Рома, а замуж собралась за его брата, то бишь настоящего Рому – ума не приложу.

На последнем «постельном» совете решили – это мы в шутку так называли наши сборища для обсуждения насущных проблем – что мне предстоит стать Гурьевой. Илья не наседал с требованием выйти замуж непременно за него, а вот Ромка... Да, тот прямо зверствовал на эту тему. То ли его так задело моё «нет», произнесённое два года назад на голливудском свидании, то ли сидела в нём заноза по имени

ревность, – не могу сказать наверняка, только выбора он не оставил. Чётко заявил: или наши будущие сыновья Андрюша, Руслан и Игорёк носят отчество Романовичи (девочку мы отдадим соседям, а близняшек пристроим к родне – ахах, как когда-то пошутили мы с Ильёй), или... До ультиматума мы не дошли (под «мы» я подразумеваю нас с Ильёй) и уступили капризному Ромке.

Утро наступило ещё до будильника. Заливистой трелью ожил дверной звонок. Я подняла включенную голову, пихнула Рому в плечо и тяжело вздохнула:

– Иди, открывай. Догадываюсь, кто там.

– А? – он продрал глаза, посмотрел на меня с укоризной и снова упал лицом в подушку. – Ну их нафиг, этих...

– Твою мать, Ром! Не их, а маму твою! Это её приволокли черти.

– Да? Сонь, я сплю, – накрыл голову подушкой.

Я перевела взгляд на Илью.

– Нас нет дома, – предложил он трусливый план бегства от реальности, не разлепляя глаз.

– Мои храбрые мужчины, – проворчала, перелезла через Илью, схватила со стула его рубашку, запахнула поверх пижамы и пошла отгребать за всю честную компанию.

Чуйка меня не подвела. На пороге возникла белющая как мел Лидия Ивановна.

– Ты! – указала в меня перстом и, хватаясь за сердце, шагнула в прихожую.

– Соня, – подсказала вежливо, – или Софья Евгеньевна, если вам так будет удобнее. Доброе утро, Лидия Ивановна. Что же вы без звонка?

Лепетала на автопилоте, лишь бы не зевнуть. Пофигизм накатил ещё на подходе к двери. Со своим образом гулящей бабы, которая не гнушается делить постель с двумя мужиками, я уже свыклась. Благо, времени было предостаточно. Да, я шлюховатая. Мне нравится принадлежать им обоим. Попробуй заberi одного, и не досчитаешься половины зубов, а за двоих – порву весь мир.

– Звонка? – Лидия рухнула на банкетку и запричитала: – Был у меня вчера один звонок. От Алиночки!

– В самом деле? – я закрыла дверь и повернулась к гостье.
– И что же вам рассказала Алиночка?

– Всё! Абсолютно всё, можешь не сомневаться, дрянь ты распутная! – прошипела матушка.

– Какая услужливая эта Алиночка, – вздохнула и попле-лась на кухню. – Вы проходите, Лидия Ивановна, не стесняйт-есь. Чай будете?

Не потрудившись разуться (*ха, я знаю, кто сегодня будет мыть пол, раз уж не соизволил оторвать свою няиную жо-пень от матраса*), дамочка поскакала за мной.

– И ты так спокойно об этом рассуждаешь?!

– О чём? Об услужливости Алиночки? – встала на носоч-ки, чтобы вынуть с верхней полки ромашковый чай. Стопа-рик водочки, конечно, умирят нервы быстрее, но, боюсь,

мне припишут ещё и алкоголизм к уже имеющемуся ярлыку потаскушки.

– Не смей паясничать в разговоре со мной! – капризно топнула ногой дама. – Как ты смеешь смеяться мне в лицо, бесстыжая девка!

Я хотела ответить в том же тоне, но услышала шаркающие шаги, и в проёме показался полуголый Ромка.

– Ты чего развопилась спозаранку? – лениво спросил он, обошёл стол и сгрёб меня в охапку, прижав спиной к своей груди. – Доброе утро, пухляш, – шепнул и поцеловал за ушком.

– Рома! – мама опешила.

– Мама! – передразнил сын, оторвался от моей шеи, шлёпнул по попе и всем телом повернулся к матери. – Не колупай мозги. Поздновато для нравоучений, не находишь?

И тут, как по сценарию, в кухню вошёл Илья. Тоже не слишком одетый – мои мужчины предпочитали разгуливать по дому в трусах, услаждая мой взор.

– Доброе утро, Лида, – буднично произнёс, подобрался ко мне и поцеловал в губы. – И тебе доброе, тигра.

Слишком рано он оторвался, я не успела насладиться. Зато несчастная Лидия Ивановна насмотрелась всласть. Её как громом оглушило и молнией шандарахнуло. Схватила руку за сердце и медленно осела на стул.

– Так это правда?

– Вам же Алиночка всё рассказала, – я улыбнулась и на-

сыпала заварку в чайник. – Коть, лап, вам что на завтрак сделать?

– Яичницу, – бросил Илья и ушёл в ванную.

– Омлет с сыром, – пожелал Рома, налил в стакан воды и поставил перед матушкой. *Хоть бы раз выбрали что-то одно! Для разнообразия.* – Выпей, полегчает.

– Лидия Ивановна, а вы завтракать будете?

– Уму непостижимо, – пробормотала несчастная. – Да если б в наши времена такое... Со стыда бы сгорела!

– Так я горю, вы не переживайте, – подтвердила со всей ответственностью и отвернулась к плите, чтобы заняться яйцами.

– Ма, ты зачем приехала? Погрозить всем пальчиком и сказать «ай-яй-яй, нехорошо, ребятки»?

– Ромочка! – она заломила руки как в дурацкой трагикомедии. – Я не поверила вначале. Поехала к тебе, хотела из твоих уст услышать опровержение. А там... Там!

А там арендаторы. Мы ещё в прошлом году обратились в агентство и сдали Ромкину квартиру, всё равно ж пустует. Затевать чехарду с переездом нам не захотелось. Да и нынешнее жильё всех устраивало, мы к нему прикипели за два года. В этих стенах прошла наша первая ночь на троих. Здесь же мы впервые повздорили так, что целый день отмалчивались, а к ночи так бурно помирились – словами не описать.

Только Илья держал свой личный уголок вблизи железнодорожного вокзала в неприкосновенности. Во-первых, ему

нужно было личное пространство для совместных вечеров с сыном. Во-вторых, он хуже всех адаптировался к переменам и в случае чего хотел иметь место, где можно отсидеться в одиночестве. Насчёт третьей причины ничего не скажу, мне довольно было и первых двух.

– Адрес этой квартиры как узнала? – любопытствовал Рома.

– Павел Геннадьич подсказал, – бесхитростно ответила Лидия Ивановна.

Понятно, завхоз у Ромыча на работе тот ещё Павлик Морозов.

С минуту в кухне царила блаженная тишина, а потом...

– И ты намерен жениться **на этой вот?** – мама потихоньку начала меня донимать.

– У этой вот есть имя, Лида, – в кухню вернулся Илья и сел за стол.

Я тут же всучила ему кусок сыра и тёрку, чтобы не бездельничал.

– Её зовут Соня, мам. И да, хрен кто отговорит меня взвалить эту булочку на плечо и уволочь в ЗАГС, – Рома покоился на меня, поймал ответный взгляд и изобразил голодное рычание царственного льва.

– И тебя такое положение вещей вполне устраивает? – этот вопрос заботливая маман адресовала Илье.

– А что в этом плохого? В случае чего разводиться она будет с ним, от меня же так легко не отделается, – пошутил

он.

Нервно хихикнула. Сейчас на нас натравят психиатров, сексопатологов, нейропсихологов и даже пионервожатую, ибо слышать такое из уст адекватного человека – нонсенс.

Мама окончательно растеряла боевой задор. Зашла с другого ракурса, всхлипнула и попыталась надавить на жалость.

– Ромочка, а как же дети?

Я выложила глазунью на тарелку, добавила помидоры черри, несколько ломтиков сыра и принялась за омлет. Ромке всучила разделочную доску, нож, хлеб и колбасу, чтобы на скорую руку изобразил несколько бутербродов. Он стащил у брата ломтик «Маасдама» и вдохновенно принялся нарезать батон, не забывая молоть языком.

– А что «дети»? Будут дети.

– ОТ КОГО? – матушка подскочила и воздела руки к потолку.

Я посмотрела на навороченную люстру в виде гигантской белой таблетки, которая управлялась с пульта и могла менять цвет и яркость по нашему настроению, и подумала, что Лидия Ивановна прогадала с работой. По ней явно сцена плачет: такая экспрессия чувств без дела пропадает.

– Они будут нашими, – подобрал Рома наиболее мягкое определение.

– То есть тебя даже не коробит мысль, воспитывать выродка, нагулянного на стороне?

– А тебя всю жизнь коробила, как погляжу, – Илья с раз-

дражением отставил плошку с натёртым сыром, скрестил руки на груди и с ненавистью уставился на мачеху.

– Ром, помешай-ка, – пихнула ему лопатку и поспешила к столу.

Села к Илье на колени, прижала его голову к груди и примирительно сказала:

– Илюш, давай не будем ссориться? Лидия Ивановна опечалена новостью, ей обидно за сына, которого мы с тобой развратили, по её мнению.

Рома быстро перемешал омлет и сел на корточки рядом со страдалицей.

– Ма, мы всё обсудили давным-давно. Это не сиюминутная блажь. Мы в этих отношениях два года, многое переосмысли заново. Тебе, понятное дело...

Я поцеловала Илью в нос и кинулась спасать завтрак.

–... это не нравится. Ты привыкнешь. Со временем. Возможно, даже поймёшь меня, когда узнаешь Соню получше.

Лидия Ивановна взвыла и бросилась сыну на шею.

– Ромочка, что же ты делаешь со своей жизнью? Разве для того я тебя воспитывала, чтобы отдать в руки распутной девки?

На последнем слове Илья так саданул кулаком по столу, что я подпрыгнула.

Господи, дай мне сил пережить этот спектакль!

– Я тебя в последний раз предупреждаю, Лида, – прошипел мой защитник. – Ещё хоть намёк на оскорбление в её

или мой адрес...

Он не договорил, да никому и не требовались эти угрозы. Маман икнула, слёзы градом полились по сухопарым щекам.

Выдохнула сквозь зубы и разложила омлет по двум тарелкам для себя и Ромы. Присыпала зеленью, выложила остатки черри.

– Мам, езжай домой. Этот разговор мы закрыли. Не нравится мой выбор – твои проблемы. Я ничего менять не намерен.

Рома встал, перехватил у меня тарелки, чмокнул в щёку и вернулся к столу.

Лидия Ивановна беспомощно огляделась, открыла было рот, дабы изрыгнуть очередную гадость или восхитить всех новой порцией причитаний. Закрыла, так ничего не сказав. С болью посмотрела на сына, прошла по нам с Ильёй глазами, полными презрения, и с секундной заминкой удалилась.

Я замерла у холодильника, сморгнула слёзы и невидящим взглядом уставилась в окно.

– Малыша, ну ты чего? – Рома обеспокоенно прижался сзади, обхватил меня руками и уткнулся носом в шею. – Даже думать не смей о всех гадостях, что она тут наговорила.

В коридоре хлопнула входная дверь. Я закрыла лицо руками и разрыдалась. Илья тут же возник рядом, вжал меня в свою грудь.

– С твоими родителями так не будет, – сказал абсолютно то, чего жаждало услышать моё сердце. – Мы найдём пра-

вильные слова, Сонь. Как-то объясним, что мы такие, какие есть.

Я повернулась боком, обняла обоих и изобразила улыбку.
– Очень на это надеюсь.

В противном случае хоть в петлю лезть. Не представляю, что со мной будет, если отец заявит, что воспитал потаскуху.

Глава 4

Настроение было на нуле. Длинный рабочий день превратился в сплошную череду неурядиц. Не могла сосредоточиться на бумагах. С квартальным отчётом, на который раньше уходило не более двух часов, провозилась целый день, и всё равно у меня ничего не сошлось.

С работы меня встретил Илья. Обнял и поцеловал в губы. Я привычно хотела увернуться, не дай бог, кто увидит – для окружающих я была невестой Ромы – потом махнула рукой и с наслаждением повисла на крепких плечах любимого брянца.

– Ты давно вернулся? – спросила, когда сели в «Лексус».

– Пару часов назад. Айда сразу домой? Ромыч обещал раскошелиться на доставку, поедем какой-нибудь суши-дранни и завалимся в кроватку.

План я поддержала, так что особого подвоха не ждала. Преспокойно вошла в прихожую, убрала кожаную куртку в шкаф, скинула надоевшие туфли, развернулась и застыла. Илья бочком протиснулся мимо меня в гостиную.

Посреди коридора стоял стул, а рядом – Рома. Внешне вроде ничего экстраординарного. Простые спортивные штаны, чёрная безрукавка на молнии, открывающая вид на мускулистые руки. Изумлял его взгляд. Смешливый и в то же время задумчивый, будто бы он одновременно вспоминал

анекдот и подсчитывал, сколько цемента понадобится для заливки фундамента площадью с футбольное поле.

– Ром?

Он тряхнул белокурой гривой, растянул губы в фирменной улыбочке, от которой ёкало всё внутри, и включил музыку на телефоне. Заиграла приторно-сладкая песенка со знакомым мотивом. Узнала спустя пару секунд. Backstreet boys «Tell me why». Ёптиху мать!

Рома положил телефон на столик, схватил маленькую бутылку воды и прокатил её по рельефной руке от запястья до самого плеча. Потом с выписанным на лице сладострастием оттянул край безрукавки и прижал бутылку в соску, не забывая при этом двигать бёдрами и пританцовывать.

Меня пробило на конский ржач! Зажала рот ладонью и, едва дыша, села на стул. Хотелось топать ногами, улюлюкать и кричать: «Я знаю! Я знаю, откуда этот танец!». Примолкла, потому что боялась спугнуть Ромкино вдохновение, которое буквально зашкаливало.

В той же тягучей грации хищника он водил бутылкой по безрукавке и облизывал меня самым многообещающим взглядом. Уф-уф, мысленно обмахивалась руками!

Рома спустил воду по животу и резким движением ударил доньшком по паху. Крышка с горлышка слетела, и меня окатило фонтанирующей струйкой воды. Начинаящий стриптизер хитро прищурился и остатки вылил себе на лицо и шею, как в лучших роликах с пометкой «очень горячо» и «побе-

регите трусики».

Я мельком отерла мокрые щеки (кое-что тоже увлажнилось) и с придыханием следила за тем, как Ромыч тянет вниз бегунок на безрукавке. Даже не предполагала, что он такой пластичный и к тому же от природы наделен неплохим чувством ритма. Танцевал он великолепно: соблазнительно, за-
влекающе и м-м как вкусно.

Плавным движением приблизился, приглашая поводить руками по лакомому торсу. Тут же отступил назад, развернулся на босых пятках, снова вильнул ко мне.

– Ромк, я тебя обожаю! – добавила визгов в его выступление и так обхватила выпуклые грудные мышцы загребущими пальцами.

Боже, что за мужчина мне достался?!

В пылу азарта и творческого раскрепощения он проскользил на коленях от конца коридора до моего стула, ткнулся лицом мне в колени и по-кошачьи потерся о колготки. Поднялся выше, выдохнул мне в живот. Руками выписывал мой силуэт, но будто нарочно касался едва-едва. А потом как стиснул грудь в ладонях, да как укусил за шею – тут я и поплыла окончательно. Вскрикнула, вжалась в него всем телом и захохотала. Музыка смолкла. Мы обменялись уже привычными взглядами. *Хочешь?* До искр из глаз!

Только он даже не поцеловал. Лизнул след от своих зубов и зашел за спинку стула. Тут же настежь распахнулись двери в гостиную. Из колонки забасил новый трек: дерзкий, рит-

мичный, будоражащий. Sleepy Brown, Joi «Lick». Мама моя родная! Эти двое решили меня добить!

Илья не мог похвастать глянцевою красотой брата. У него и тело не такое рельефное, и мускулы не так ярко выражены, да и смазливый его не назовешь. Всё это с лихвой компенсировалось властным взглядом и волнами животного магнетизма. Если на Ромку хотелось облизываться, то перед Ильей не терпелось пасть ниц и вручить ему всю себя на блюдечке.

Рома развернул стул вместе со мной, перегнулся из-за спинки, накрыл ладонями мои колени и широко развёл в стороны. Потом отошел, давая возможность полюбоваться братом.

Широкие штаны из грубой ткани, облегающая торс футболка и бейсболка, сдвинутая козырьком на затылок – всё черное, притягательное и такое влекущее, что не терпелось ощупать руками.

Он задвигался. Руки взлетели вверх, прошлись по груди (на кой хрен там футболка?!), спустились на живот и самым развратным образом сжались у паха. Меня натурально ошпарило возбуждением. Закусила уголок рта и застонала.

Илья, довольный моей реакцией, плавно приблизился, обвёл рукой мою макушку и в каком-то диком ритме качнул бёдрами у лица. Щёки запылали румянцем. Попыталась поймать зубами хотя бы за одежду, погрозил мне пальчиком и смылся на середину комнаты. Потом метнулся обратно, подхватил меня на руки вместе со стулом. Заголосила от нежиз-

данности. Он расплылся в самодовольстве, дёрнул посильнее ножки стула, чтобы скатилась в его объятия.

Я повисла на его плечах и тут же почувствовала, как стул испарился, а жадные ладони стиснули мне задницу.

Подумала, представление с грифом «огнеопасно» на этом закончится, но нет. Илья вынудил меня проскользнуть вниз по его телу и развернул за плечи. Перед лицом уже маячил Ромка с обнажённым торсом и мокрыми волосами. Отчаянно вцепилась ему в бока и потянулась за поцелуем. Он лишь лизнул меня и задрал подбородок.

– Теперь твоя очередь, тигра, – подсказал на ушко Илья.
– Разденься для нас под музыку.

Он шлёпнул меня по попе, и оба отошли к дивану, развалились в ожидании.

Было ли мне неловко? О, ещё как. Я не слишком спортивный человек, отнюдь не фотомодел ь с ногами от ушей, но эти взгляды, что устремились на меня с разных концов дивана, – лучший мотиватор в борьбе с комплексами.

Сглотнула, оглядела своего блондина с мокрыми волосами, перевела взгляд на брюнета и спряталась от них, зажмурившись.

Следующая песня была из моего плейлиста, так что настроиться было легко, ритм я знала. Мягкий, неспешный с ласковыми переливами и чувственным женским вокалом. NNX LXS Y «Konosoo».

Распустила волосы, качнула головой, заставляя их рассы-

паться по плечам. Обняла себя за плечи и изогнулась, воображая себя этакой львицей, способной свести с ума двух самых грозных львов в прайде.

Снимала одежду неторопливо, покачивая бёдрами. В порыве воодушевления согнулась пополам, откляńczyла попу и провела по ногам от ступней до края юбки. Резко выпрямилась и швырнула пиджак в сторону.

Глаза опасно приоткрыла. Хотелось слиться воедино с мелодией и оценить эффект от своих стараний.

Блузку сняла через голову – сексуально возиться с пуговицами меня не учили, побоялась накосячить. С замком на юбке воевала на коленях у Ромки. Извивалась и тёрлась о него, как кошка, потом пересела на Илью и прямо у него под носом расстёгивала лифчик, а попой елозила по внушительной выпуклости под брюками.

Грудь оголила, в одиночестве стоя по центру комнаты. Бюстгальтер бросила Ромке. Он поймал на лету и зарылся носом в фиолетовое кружево. Пробрало от его голодного взгляда.

Извиваясь, как змея, сняла юбку и отправила её Илье, правда, чуточку промахнулась, и та серой тряпочкой легла на пол.

Мои мужчины переглянулись, кивнули синхронно. Рома поднялся, по примеру пещерных родственников взвалил меня на плечо, одарил звонким шлепком по заднице и завалил спиной вдоль дивана. Опомниться не дали. Илья протолк-

нул в мой рот свой язык и принялся чмокать губами, поедая всякую мою попытку продохнуть. Рома приласкал грудь, погладил живот и короткими поцелуями спустился к разведённым ногам. Накрыв меня ртом прямо через слои капрона и кружева белья. Выдохнул жаркую струю воздуха. Стянул всё лишнее с моих бёдер и накинудся с лаской на то местечко, которое уже изнывало в отсутствие их внимания.

Илья все целовал. Я задыхалась. Рома кружил по мне языком. Грозилa смерть от удушья или немедленная кончина от горячего удовольствия – не могла определиться, что перевешивает. Наконец они сжалились надо мной. Илья затащил меня на себя, усадил к себе спиной и вмиг высвободил член. Опускалась на него с выписанным на лице багряными красками словом «блаженство». Глубоко вздохнула и... усталилась на Рому, который тоже перекинул ногу через вытянутые икры брата, устроился на коленях и прижал меня к себе для поцелуя.

Опадать и подниматься с Ромкиным языком во рту оказалось восхитительно. Я держалась за его плечи для опоры, упоённо ласкала его губы своими и нежиалась от ощущений внизу. Ромыч тискал грудь, тянул во все стороны соски, и меня окатывало волнами жгучего тепла.

Илья крепко держал меня за бёдра и не давал сбиться с ритма, потом вдруг сцепил руки на моём животе и уложил спиной на свою грудь. Вышел из меня, накрыл ладонью лобок и покругил пальцами вдоль складочек.

Роме подполз ближе, развёл мне ноги в стороны, подхватил под коленями и медленно погрузился внутрь. Илья завернул мою голову набок и приник губами ко рту. Целовал неистово, пока Рома двигался во мне, выбивая не просто стоны, а какие-то душещипательные всхлипы. Я млела от их прикосновений, таких чувственных и трепетных. В кои-то веки эти двое решили не измочалить меня в хлам (что мне, безусловно, нравилось), а медленно и неторопливо занимались со мной любовью.

Они менялись несколько раз, и трогательность начала уступать место голоду. Я не возражала. Кусала светленького за шею, водила ноготками по яичкам тёмненького, выла им в открытые рты и в конце концов сиганула с обрыва в пропасть экстаза.

Рома дождался, пока я очухаюсь, поставил меня на четвереньки лицом к брату и без прежней заботы натянул на себя.

Илья поймал меня за подбородок и положил большой палец на язык. Рома раскачивал нас всё сильнее. Закрыла глаза и принялась посасывать палец Ильи, воображая... А зачем?

Остановила Ромку движением руки, отправила на пол, а сама в той же позе устроилась у Ильи между ног, накрыла его возбуждение рукой и припала губами к яичкам. Ласкала с нежностью и водила кулаком по члену куда жёстче.

– Тигра, я хочу в ротик, – простонал Илья. – Возьми глубоко.

Рома шлёпнул меня по попе, словно поторапливая, по-

том наклонился и поцеловал розовый след на коже. Я оглянулась назад, толкнулась бёдрами, чтобы почувствовать его ещё глубже, и жадно облизнулась, заглатывая член целиком. Получалось не хуже, чем в фильмах для взрослых, с такими-то преподавателями.

На Ромку накатило. Он вдавил меня в себя, накрыл грудью мою спину и прошептал:

– Какие охуенные звуки ты издаёшь, Сонь. Меня накрывает на второй секунде.

Илья ревниво уцепил меня за затылок и задвигался. Потом резко передумал, выпрямил меня, сам сел на пятки и позвал на себя. Упёрлась ступнями по бокам от его ног, обняла за плечи и опустила. Движениями управлял в основном он, а я балдела от его рук и множества поцелуев, которыми осыпал лицо и шею.

– Тигра, посмотри на меня, – позвал он требовательно и едва слышно добавил, обжигая словами и диким взглядом: – Обожаю тебя трахать с его спермой внутри.

Я охнула и повела ногтями по его плечам. Илья ещё несколько раз подкинул меня вверх и стиснул в медвежьих объятиях.

Держал так долго. Просто смотрел в глаза, не мигая, и улыбался своим мыслям.

– Ну всё, хорош таращиться! – Ромыч кинул в нас подушкой. – Там роллы ждут.

– И ты как всегда хочешь жрать, брюхо ненасытное, –

фыркнул Илья и осторожно снял меня с себя, подхватил на руки и понёс в ванную.

– Я тут, между прочим, танцевал, калории тратил.

– О, ну прости, не знал, что эти конвульсии зовутся танцем.

– На хер иди, – беззлобно буркнул Рома и почапал на кухню, откуда крикнул, судя по невнятным звукам, с набитым ртом: – И кстати! Чтоб ты знал, олух, стриптиз – это когда раздеваются.

– Блокнот и ручку тащи, я запишу, – крикнул Илья, поставил меня в ванну и залез следом. – Ты чего примолкла?

– Балдею, – я навалилась плечом на кафель и заулыбалась.

– Когда ты нежный, мне плакать хочется от счастья.

– Ой, дурёха, – он включил воду и перевёл на распылитель над нашими головами. – Тебе от меня нежности не хватает?

– Сегодня с избытком, – обняла его крепко-крепко и попыталась сдержать слёзы, но они так и рвались наружу.

Да что со мной сегодня? Такая сентиментальность вообще мне не свойственна, а тут вдруг – нате.

На кухне мне резко поплохело. Учужала давящий смрад рыбы, глянула на стол, уставленный одноразовыми контейнерами. Запах жареной панировки смешался с духом творожного сыра. Взгляд упал на круглую миску с розовыми ломтиками имбиря, и тушите свет. Зажала рот рукой и рванула к раковине.

Вывернуло наизнанку, что в принципе странно, ведь за це-

лый день я почти ничего не съела. Даже чай пить не стала, показалось, что он пахнет прошлогодними носками.

– Сонь, ты как?

Я открыла воду, набрала пригоршню и попыталась прополоскать рот, когда новый чудовищный спазм сдавил желудок.

Оттолкнула Рому, Илья отпрыгнул сам, и я устремилась к унитазу. На полу в туалете сразу полегчало. Вцепилась обеими руками в холодный фаянс и прислушалась к бунту в животе.

Рома плюхнулся рядом. Жевать перестал, но от него так мерзко пахнуло лежалой сельдью, что аж голова закружилась.

– Уйди, Ром, уйди, от тебя рыбой несёт. Ох, блин, я сейчас снова...

И правда. Поделилась с белым приятелем новой порцией водички со вкусом желчи.

– Чего тупишь? Выйди, попросили же. В аптеку лучше сгоняй, – Илья сел у меня за спиной, погладил по мокрым волосам. – Сонь, может, скорую?

– В аптеку? – Рома соображал туго.

– Да, – просипела и вновь жидкость на глаза накатила. – Купи тест на беременность.

Хотя на кой он? Я и без экспресс-полосок знала, что означает тошнота вкупе со слезливостью.

Ну почему именно сейчас, а?!

Глава 5

Два месяца до свадьбы, каких-то восемь недель – разве я так много прошу? Почему всё случилось именно так, а не по-человечески, как грезилось?

Я сидела на полу в ванной, выстраивала в ряд эти дурацкие штуковины наподобие градусников. И ждала. Ждала, когда погаснет оконце с надписью: «Беременность 5-6 недель», или исчезнет из виду жирный плюс на другом тесте. Или истончится жирная вторая полоска на следующем.

Я хотела ребёнка. И хочу, но не так. Не сейчас, когда всё повисло на грёбаном волоске. Мы вместе планировали отказать от противозачаточных после свадьбы. Через месяц или два. А это?!

Подстава. Два года ни единого намёка на сбой в организме, месячные как по часам, и нате, здрасьте.

– Сонь! – Рома постучал настойчивее.

Да, Ром, заходи! Ты скоро станешь папой!

Разве так сообщают будущим мужьям о беременности? Мне виделась сказка. Какой-нибудь вечер в дорогом ресторане, наша дружная компания за одним столиком, душевные разговоры и в конце я такая хопа, глядите, нас скоро будет четверо!

Всё пошло через известное место. В который раз!

Рома так и не дождался ответа, ушёл, однако вернулся

спустя полминуты, что-то заворочалось в двери, послышался хруст и мои обеспокоенные мужчины застыли на пороге.

– Сонь, ты чего чудишь? – Рома бросился ко мне, приземлился рядом и обвил двумя руками. – Не трясись, зубы я почистил, одежду сменил. Рыбой не пахнет.

– Ром, – я всхлипнула.

– Знаю, пухляш, знаю, ты хотела по-другому. Ну и ладно. Месяцем раньше, месяцем позже – главное же результат.

Илья так и остался у двери. Поглядывал на мою выставку с каким-то отстранённым выражением лица. Не то думал лихорадочно, не то искал предлог, чтобы свинтить.

– Скажешь что-нибудь? – спросила у него.

– А что тут сказать, тигра? – он медленно отлип от косяка и сел рядом, не потревожив мою медитативную композицию. – «Я охренеть как счастлив» заучит как-то по тупому. Родишь нам девочку?

Было что-то в его взгляде, что я сумела правильно интерпретировать лишь позднее, а в эту минуту только уловила за самый кончик и тут же отпустила. Расплакалась, обняла обоих. Внушила себе, глупенькая, что счастлива.

В эти выходные нас ждала нервотрепательная поездка к моим родителям. Илья заранее требовал с нарядчика выходной, чтобы сопроводить нас с Ромой к месту казни.

– Сонь, ты записалась в женскую консультацию? – с ходу начал одолевать вопросами Рома.

Он всегда излишне много болтал, когда нервничал.

– На учёт не ставят до девяти недель, у меня ещё полно времени, – ответила без энтузиазма.

Дайте мне уже самой свыкнуться с мыслью, что нас теперь двое. И что у меня за вечная байда со множественным числом? В отношениях нас трое, меня теперь двое... А если тоже трое?! Итить колотить, я ж чокнусь!

Рома постучал пальцами по рулю, явно имея возражения по поводу моего страусинового поведения. К счастью, не озвучил их, зато задал другой вопрос:

– А что насчёт УЗИ?

– Это называется скрининг, – внёс свою лепту Илья с заднего сиденья внедорожника. – Первый скрининг делается до двенадцати недель, второй – на двадцатой, если правильно помню, а третий...

–... Вообще отменили, – сухо закончила я.

Вот бесит меня имеющийся у него опыт. В таком настроении, как сейчас, и думать не хочу о той, с кем он его приобрёл.

– Сонь, всё нормально? – Илья тут же уловил перемену в моём голосе.

– Всё шикарно! Я везу обоих своих мужиков в отчий дом, где представлю их родителям, получу волчий билет и отправлюсь восвояси круглой сиротой без надежды на реабили-

литацию. Так что всё чудесно, Илюш, – забралась с ногами на сиденье, завалилась на бок и отвернулась к окну.

– Малыш, ну чего ты так остро всё воспринимаешь? – Рома попытался погладить меня по руке.

Отшила взглядом.

– Во мне гормоны бесятся, ясно? Так что дайте спокойно переждать это нашествие.

– Ром, тормозни на минутку, – попросил Илья.

– О-о, ну что ещё? – натуральным образом зарычала.

– Тигра, тебя кто почесал против шерсти? – Илья перегнулся через спинку моего кресла, отстегнул ремень безопасности и велел: – Полезай назад.

– Так мне тормозить или нет? – Рома с удивлением на нас посмотрел.

– Да! – сказала громче, чем требовалось.

– Не, так справимся, – с ухмылкой ответил Илья.

Началось в деревне утро! Сейчас будет большой воспитуй, попытка уложить меня поперёк коленей и отшлёпать, дабы в будущем не рисковала дерзить. Я ж ему руки переломаяю.

– Пора закупать валерьянку, – буркнул Рома.

Я натурально психанула. С грацией бегемотихи перебралась на заднее сиденье и, скрестив руки на груди, села рядом с Ильёй.

– Сонь, – он пихнул меня плечом, – всё устаканится. Мы ведь понимали, на что шли.

Нет! Хотелось вопить. Я не знала, что когда-нибудь пред-

стоит отстаивать свой выбор перед родителями. Банально об этом не задумывалась. В моём видении ситуации Илья остался постыдной тайной, которую надлежало унести с собой в могилу. Я и в кошмарном сне не могла вообразить, что дойдёт до такого.

– Иди сюда, – он похлопал себя по бедру. – Занежу по методу Ромыча.

Он обезоруживающе улыбнулся, и ледяное сердечко моментально оттаяло. Шмыгнула носом, забралась на него бочком и склонила голову.

– Страшно до чёртиков, – призналась.

– И нам, малыш, – поддакнул Ромка, поглядывая на нас в зеркало заднего вида. – Я вообще твоих родителей только на фотках видел.

– Мы же вместе, так? – Илья погладил меня по голове, стиснул обеими руками и закрыл от целого мира. – Значит, справимся.

На подъезде к отчему дому на меня напала судорожная икота.

Всё полыхнуло керосином уже во дворе. Не успели мои мужчины провести меня через калитку под белы рученьки и дрожащи ноженьки, как мы нос к носу столкнулись с младшим братом.

Лёха был рослым детиной: косая сажень в плечах, объёмистое брюшко над ремнём и крестьянская физиономия, лоснящаяся детским озорством.

– О, мелкая! – он кивнул, проходя мимо нас с охапкой дров, скинул их в поленницу, отряхнулся от опилок и вернулся навести обнимашки.

Меня сгрёб как пушинку. Илье дружественно пожал руку, притянул к себе и от души саданул моего брюнета по спине с громогласным рёвом:

– Ромыч, как житуха?

Я посерела. Внутренности будто на вертеле прокрутили несколько раз.

– Лёх, знакомься, – предательски молвил мой язык, – это Илья, – я приобняла за талию Зарубина. – А вот это Рома, – так же деликатно положила руку Гурьеву на поясницу.

– Чего? – Лёха почесал нос ребром ладони в верхонке.

– Ромыч я, – пришёл на выручку мой блондин. – А это мой брательник, Илюха. Мы близнецы, нас даже мамка до сих пор путает. Вот и Соня того... Тоже всё время забывает, кто из нас кто. Мы уже подумываем о смене имени, назовёмся Ромиль через «о», чисто чтобы Сонечке не напрягаться.

Он молотил и молотил этим бескостным органом, и постепенно глаза у Лёхи собирались в кучу. Наконец, он не выдержал, зажмурился и часто-часто заморгал.

– А-а, ну ладно, проходите в дом. Мамаша уже заждалась, – высказался сдержанно, а сам косился то на меня, то на братьев.

– Рома, блин, – я пихнула негодя в спину, пока шли через веранду и сени. – Помалкивай, если сказать нечего.

– Сонь, это у меня нервное. Безусловный рефлекс.

– Воспитавай в себе что-нибудь полезное, – не унималась я.

Дальше начался форменный сюр. Дом оказался под завязку набит родственниками. Мама и сноха, вторая законная жена моего брата Лёшки, круглолицая хохотушка Милка, носились между кухней и залом, расставляя кушанья. У них под ногами путалась детвора: семилетний Тёмка, пятилетняя Ксенька и трёхлетний Арсюшка – мои горячо любимые племянники. Тётя Света в гостиной занималась сервировкой. Намётанным глазом осматривала приборы и фужеры и при виде малейшего пятнышка пыхтела на него и затирала блистающим чистотой вафельным полотенцем. Папка и дядя Серёжа, муж моей тётушки, с озадаченным видом по очереди заглядывали в нутро русской дровяной печи и что-то оживлённо обсуждали.

Нас приветствовали торопливыми объятиями. Рому я представила по имени, а с Ильёй всё просто обнялись, расцеловались и делу конец. Вдаваться в подробности путаницы с именами никто не стал, все решили, что я привезла Ромкиного брата с тем же именем. *Бывают же в жизни совпадения!*

Я включилась в суматоху и взялась заправлять салаты. Рома присоединился к жаркому диспуту отца и дяди на тему того, возможно ли переделать печь в камин. Илья остался носиться с детворой – он познакомился с моими племянниками ещё в прошлом году, поэтому в игру его взяли с боль-

шой охотой.

– Что-то я не поняла, они братья? – затарахтела Милка, забирая у меня тазик с оливье.

– По отцу, – ответила с неохотой. – Матери у них разные.

– И оба Романы?

Вздохнула. С хлопаньем выдавила из пакета остатки майонеза в салатник и принялась орудовать ложкой.

– Чёрненький на самом деле Илья. Просто бабуля тогда не разобралась, окрестила его Ромкой и пошло-поехало.

– А-а-а-а. Так значит замуж ты выходишь за Илью?

Святая ты простота.

– Нет, за Ромку, – придала голосу максимальную уверенность.

– То есть за светленького?

– Ну, девоньки, чего тут вкусного схомячить есть? – в кухню ввалился Лёшка.

И я сделала вид, что не расслышала вопроса.

За стол усаживались в той же колготне. Все говорили разом. Ромыч увещевал дядю Серёжу, отец изредка вклинивался в их диалог и восклицал:

– Да где ж ты такую хреновину видел?

Или:

– Поди сыщи жаропрочное стекло, оно ж кучу денег стоит!

– У нас в депо, – вмешался в разговор Илья, – можно сделать на заказ. По вашим меркам. У меня приятель недавно в своём доме тоже камин ставил, так и зеркало, и решётку и

ещё кучу прибамбасов у нас в депо брал. Вроде недорого.

– Слушай, Ром, – отец шваркнул Илью по плечу, – ну-кась разузнай в деталях, что к чему. Авось к лету мы эту махину разнесём к ебням...

– Женя, тут же дети! – укорила мама.

– Лизавет, так это ж для связки слов! – папа отмахнулся и повернулся обратно к Илье. – Ты меня потом набери, я скажу, чегось надобно, и замеры все скину чин по чину.

Рому от меня отсадили, его место занял Лёшка. Загородил собой дальний край стола, склонился к моему лицу и тихо спросил:

– Так они знают друг о друге?

Выронила вилку.

– Чего?

– Сонь, ты из меня дурачка деревенского не делай. Я, может, и живу натуральным хозяйством, но башка на плечах имеется. Телефон вон освоил уж лет десять как и про интернет знаю. К нам ты ездешь с этим, – ткнул пальцем в Илью, не боясь, что нас кто-то подслушает, – а на фотографиях сплошь с тем, – кивок в сторону Ромки. – Думал, ты двоим мужикам головы морочишь, а они братья. Объяснения будут?

– Соняш, возьми рыбку, попробуй! – суетливо предложила мама. – Красненькая, с икорочкой, папка специально для тебя солил по своему фирменному рецепту.

Она почти всучила мне блюдо с форелью, я приготовилась

дать дёру и спалиться напропалую, но тут Ромка вскочил с места и вырвал у матери рыбную нарезку.

– Рыбка собственного засола, м-м-м, обожаю!

– Зря вы, Лизавет Михална, рыбу ему показали, сейчас всё в одну хлебoreзку умнёт, – хохотнул Илья.

– Ой, Ромочка, да кушай на здоровье! Я ещё подрежу!

– Завидуи молча, обормот, – Рома показал язык.

Арсюша тут же подхватил этот жест и повернулся к сестре, чтобы позлить старшенькую. Та расплакалась, надула розовые губки и кинулась к матери со слезами.

– А ну, Ксюх, долой сопли, – пробасил мой отец, хлопнул в ладоши и жестом фокусника достал из рукава тельняшки маленькую шоколадку, вручил внучке.

Тёмка и Арсений тоже затребовали угощений, Милка возмутилась – дети ещё не поели, а их уже сладким снабжают!

– На то мы и бабка с дедом, чтобы внуков баловать! – вступилась за мужа мама.

И всё потекло своим ходом. Я расслабилась, смогла поесть и спустя полчаса откинулась на плечо Ильи и растворилась в блаженстве.

Обожаю свою семью. Они шумные, говорливые, надоедливые, но такие милые, что разрыдаться хочется.

– Пошли, сеструха, покурим! – Лёшка выдернул меня из дремоты и сдавил плечо, понуждая подняться.

Илья и Рома поочерёдно посмотрели на меня, словно вопрошая, нужна ли помощь. Покачала головой.

– Знаешь, ты изменилась, – издалека зашёл Лёшка, прикурил сигарету и с силой выдул облачко сизого дыма. – Похорошела – это да, давно заметил. Но и внутренне тоже. Взгляд дерзкий, улыбка смелее. Стержень в тебе появился, куда твёрже предыдущего. Ты с ними с обоими?

Хвалил, хвалил и на тебе – прям в лоб.

– Просто другого объяснения не нахожу, почему они так вокруг тебя выются и у обоих морды не синие.

– А они выются? – только и сумела спросить.

– Оба чуть грудью на ту тарелку с рыбёхой не кинулись, – Лёшка гоготнул. – Блондин просто ловчее оказался. Рыбу разлюбила по той же причине?

– По какой?

– По которой привезла их обоих пред родительские очи, – без злобы парировал брат. – Ты беременна?

– Угу.

– От одного из них?

– Да.

– А конкретнее знаешь?

– От обоих.

– Охренеть, Сонь, – он яростно затушил окурок и тут же закусил следующую сигарету. Чиркнул зажигалкой. Затянулся глубоко, уставился на меня в упор. – Не, я не осуждаю. Только это совсем на тебя не похоже.

– Знаю.

– И давно у вас?

– С самого начала почти, – меня уже потряхивало от зашкаливающих эмоций.

Из дома вышел Илья. Хмурый, что небо перед лютой полуденной грозой. Подошёл к нам, стиснул меня в объятиях, унимая дрожь, и с вызовом посмотрел на Лёшку.

– И это серьёзно? – брат напрягся, включил режим родственной защиты.

– Более чем, – уверенно заявил Илья, и я почувствовала, как он весь внутренне ощерился, совсем как тот волк, что выбит у него на груди.

– Замуж берёт один, а жить предполагаете втроём?

– Уже два года так, – выдавила из себя тоненьким голоском.

Лёшка вздохнул, отвернулся. Илья едва слышно выдохнул. Они тут подумывали драку затеять, не иначе.

Дверь снова открылась, и в сенях показался Ромка.

– Сонь, ты иди в дом, – шепнул Илья.

– Вы чего? – я запаниковала.

– Ступай, – Лёшка потрепал меня по плечу. – Вечереет, ноги застудишь, в апреле ещё холодно.

Я растеряно озиралась. Рома лишь на миг склонился к моему лицу и чмокнул в щёку:

– Не дрейфь, просто мужской разговор. Без мордоворота. Ты ж знаешь, я свои котировки задорума не подставляю.

Илья мягко подтолкнул в спину.

На негнущихся ногах вернулась за стол. Папка и дядя Се-

рёжа опять о чем-то спорили. Мама с тётёй Светой подсели ко мне.

– Сонь, ты чего бледная такая? – мама обняла за плечи.
– Приболела что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.